

УДК 304:130.2

ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ГРАНИЦЫ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ*

В.Т. Фаритов**

Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

E-mail: vfar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философскому разбору психиатрического научного дискурса как основы маргинальной антропологии. Основная задача предлагаемой статьи – раскрыть место и роль психиатрического дискурса в таком бытийном пространстве, как социокультурная реальность.

Ключевые слова: научный дискурс, психиатрический дискурс, маргинальность, граница, антропология.

Фундаментальным достижением науки следует считать раскрытие специфического бытийного пространства – дискурса реальности. Сначала научным дискурсом было раскрыто пространство неживой и живой природы. Человеческое бытие в течение достаточно длительного промежутка времени оставалось внеположенным по отношению к этой реальности, раскрываясь в качестве противопоставленного объективному миру, возвышающегося над миром субъекта. Впоследствии было раскрыто пространство *человекосоразмерной реальности*, что позволило подчинить власти научного дискурса и человеческое бытие. Теперь человеческое бытие не противопоставлено реальности научного дискурса, но непосредственно интегрировано в неё, что означает: из сферы абсолютного Иного (объективный мир как природа) реальность превращается в сферу Того же Самого. Природа растворяется и исчезает в этом пространстве, превращаясь в экологическую среду, часть социокультурной реальности. Однако разрастающаяся во все стороны человекосоразмерная реальность в действительности представляет собой только поверхностный дискурс, дискурс гиперсимуляции или сверхреальности. В основе его лежит совсем другой дискурс, который и выступает в качестве определяющего условия существования поверхностного, гиперсимулятивного дискурса социокультурной реальности. Это психиатрический дискурс. Разработке данного тезиса посвящается приводимая ниже статья.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

** **ФАРИТОВ Вячеслав Тависович** – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет».

1. Человеческая реальность и Игра

Прежде, чем приступить к непосредственному анализу психиатрического дискурса и его роли в раскрытии пространства человекосоразмеренной реальности, необходимо ответить на вопрос, что представляет собой сама эта реальность и в каком отношении она находится к человеческому бытию и бытию как таковому. Другими словами, должна быть представлена онтология дискурса социокультурной реальности.

Что же представляет собой с онтологической точки зрения наша человеческая реальность? Определяющим структурным компонентом этого дискурса является *социально-психический индивид*, который конституируется на основе предварительно раскрытого бытийного пространства социокультурной реальности. Индивид представляет собой себестождественное, позитивно-устойчивое образование, выступающее центром, основой и источником всевозможных состояний, положений, действий и поступков, желаний и потребностей. После разработок экзистенциалистской, особенно постмодернистской, философии нет необходимости специально прояснять, что подобное центрирование и приведение человеческого бытия к самоидентичности не есть нечто первичное, изначально данное и само собой разумеющееся. На *онтологическом уровне* человеческое бытие представляет собой модус бытийного потока самотрансценденции. Это означает, что человеческое бытие *в своей основе* есть постоянное саморазличение, самостановление в бытийном потоке. Мир представляет собой горизонт Иного, посредством которого человеческое бытие отличается от *самого себя*, посредством которого оно постоянно становится Иным. Становится теми или иными возможностями, совокупность, комплексная суперпозиция которых определяет *позицию* человеческого бытия – наподобие вектора состояния квантового поля. Подобно тому, как непрестанно сменяющие друг друга дождевые капли при наличии солнечного света образуют неподвижно стоящую на небосводе радугу, так и непрестанный поток саморазличения и самостановления человеческого бытия образует определённые метаустойчивые состояния, которые и составляют позицию человеческого бытия. Такие состояния характеризуются, прежде всего, множественностью и трансгрессивностью – взаимопереходом одного метаустойчивого состояния в другое.

Таково человеческое бытие в горизонте бытия как такового. Однако бытие как таковое не есть некая лежащая в основе всего сущность. Бытие как поток самотрансценденции никогда не трансцендентно ничему, кроме самого себя. Постоянно отстраняясь от самого себя, бытие раскалывается, распадается на различные модусы, которые подвергаются дальнейшему членению, дальнейшей фрактализации посредством установления дискурсивных фильтров. Бытийный поток проходит сквозь дискурсивную сеть таким образом, что раскрывается определённым образом структурированное и упорядоченное

онтологическое пространство. На этом уровне человеческое бытие может получить статус того или иного *субъекта* как структурного компонента дискурса. Но подобная субъективация, осуществляемая дискурсом, не означает ещё тотального устранения фундаментальной множественности и трансгрессивности человеческого бытия как потока саморазличения в горизонте Иного. Субъект всегда есть лишь пустая оболочка, форма, задаваемая тем или иным дискурсом. Внутри этой формы человеческое бытие по-прежнему представляет собой суперпозицию метаустойчивых состояний. Кроме того, бытию как таковому принадлежит не только установление дискурсивных фильтров, но и их деструкция. Неотфильтрованный бытийный поток прорывается сквозь дискурсивную сеть и либо образует в ней бреши, либо полностью устраняет её. В первом случае, когда не происходит тотальной деструкции дискурса, бытийный поток просачивается в дискурсивное пространство и полностью модифицирует его. С одной стороны, все структуры дискурса сохраняются, но с другой стороны, они утрачивают свой принудительный, властный характер. Используя хайдеггеровскую терминологию, можно сказать, что происходит *просветление* дискурсивного пространства бытием. Возможно, ещё больше подойдёт предложенный Бодрийяром концепт «*мерцание присутствия*»: «Соблазн не в простой видимости, как и не в чистом отсутствии, но в затмении присутствия. Его единственная стратегия – разом наличествовать и отсутствовать, как бы мерцающая или мигающая, являя собой некое гипнотическое приспособление, которое концентрирует и кристаллизует внимание вне какого бы то ни было смыслового эффекта. Отсутствие здесь соблазняет присутствие» [1, с. 154]. Модификация дискурсивного пространства вследствие прорыва неотфильтрованного бытийного потока приводит к замене власти на *Игру*. Тот или иной дискурс больше не может претендовать на безграничное господство и исключительность, на тотальное подчинение своим структурам всего сущего, поскольку становится зримым вторичный и искусственный характер любого дискурса, подобно тому, как после восхода Солнца становится ненужным электрический свет уличных фонарей. В свете чистого бытийного потока ничто больше не может иметь сколь-нибудь серьёзного значения, исчезает всякий смысл, остаётся только Игра, возникновение и уничтожение, поток, идущий из ниоткуда в никуда.

В пространстве Игры и человеческое бытие освобождается от дискурсивного принуждения к бытию субъектом, не переставая одновременно быть субъектом (поскольку дискурс формально сохраняет свою структуру). Но теперь вскрывается вся незначимость этого субъекта, который выступает лишь в качестве пустого футляра для непрестанно сменяющих друг друга метаустойчивых состояний. Субъект, в конце концов, становится подобен призраку: он одновременно есть и его нет. В художественной форме этот феномен позволяет продемонстрировать следующее стихотворение Д.С. Мережковского:

Дома и призраки людей –
Всё в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мёртвом задыхалось.
И мимо каменных громад
Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,
И сам иду я молчаливо,
Куда – не знаю, как во сне,
Иду, иду и мнится мне,
Что вот сейчас я, утомлённый,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, порождённый
Туманом северных ночей.

Само собой разумеется, что подобный мерцающий, призрачный субъект не может выступать в качестве структурного компонента социокультурной реальности. Исчезающий субъект неудобен и ненадёжен, поскольку он недоступен контролю, учёту, классификации и прочим процедурам реализации. Только устойчивый себестождественный индивид, обладающий строго определённым набором качеств и характеристик, может служить строительным материалом человеческой реальности. Дискурсивная сеть социокультурной реальности осуществляет наиболее жёсткую фильтрацию бытийного потока, предполагающую раскрытие онтологического пространства Того же Самого как сферы абсолютной самоидентичности человеческого бытия. Именно поэтому дискурсивные надрывы и вторжения неотфильтрованного бытийного потока здесь наиболее многочисленны. Человеческое бытие в действительности очень трудно поддаётся втискиванию в жёсткие рамки личной идентичности. Социокультурная реальность не есть раз и навсегда установленный *порядок*, но представляет собой непрестанную борьбу с дискурсивными надрывами и с возникающей вследствие их надрывов заменой власти на Игру. Но эта борьба ведётся средствами другого дискурса, часто остающегося в тени, – психиатрического дискурса.

2. Психиатрический дискурс

Ускользающий и исчезающий субъект может быть захвачен творческим импульсом, исходящим из прорвавшегося в дискурсивное пространство неотфильтрованного бытийного потока. В этом случае можно говорить о творчестве в его исходном, онтологическом смысле: «Нужно носить в себе ещё хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду» [2, с. 12]. Но, как правило, чистый бытийный поток губителен для человеческого бытия.

Наиболее вероятный исход дискурсивного надрыва – полное нивелирование субъектности и выпадение не только из дискурса, но и из горизонта

мира как первичного бытийного пространства экзистирования человеческого бытия. До тех пор, пока ускользающий субъект сохраняет формальное присутствие в пространстве дискурса, его экзистирование представляет собой Игру. Но ставки в этой Игре всегда слишком высоки: после выпадения из дискурса исчезающий субъект оказывается в пустоте, горизонт мира полностью сворачивается, что приводит к закрытию всех тех возможностей, которыми обладало человеческое бытие как бытие-в-мире. Вместо мира раскрывается пространство тотального ускользания, разбегания в разные стороны, сфера полной незначимости: «Никогда не бывало такого времени, чтобы благодаря самому себе я был убеждён в том, что действительно вижу. Все вещи вокруг я представляю себе настолько хрупко, что мне всегда кажется, будто они жили когда-то, а теперь уходят в небытие. Всегда, дорогой сударь, я испытываю мучительное желание увидеть вещи такими, какими они, наверно, видятся, прежде чем показать себя мне. Они тогда, наверно, прекрасны и спокойны. Так должно быть, ибо я часто слышу, что люди говорят о них в этом смысле» [3, с. 68].

Человеческое бытие становится подобно приведению или живому мертвецу. Такая прижизненная смерть – один из наиболее страшных уделов, который может выпасть на долю человеческого бытия. Хуже физической смерти, хуже сумасшествия. Ибо *призрак* никогда не есть сумасшедший. Сумасшедший всегда представляет собой *вторичного субъекта*, конституируемого в рамках психиатрического дискурса. Призрак же в соответствии с принципом реальности социокультурного дискурса просто не существует или – точнее – не должен существовать, поскольку его существование бросает вызов всей человекосоразмеренной реальности. Само человеческое бытие часто не выдерживает подобного экзистирования и очертя голову бросается обратно к неформальному присутствию в дискурсивном пространстве. Именно здесь, в месте падения субъекта-призрака и расставляет свою сеть психиатрический дискурс, который осуществляет вторичную фильтрацию человеческого бытия и раскрывает вторичного субъекта – сумасшедшего. Для человекосоразмеренной реальности сумасшедший всегда предпочтительнее, чем призрак. Первый представляет собой хотя и вторичный, но всё-таки структурный компонент социокультурной реальности. Прежде всего, сумасшедший, в отличие от призрака, поддаётся классификации, контролю и учёту, то есть с ним можно иметь дело в пространстве дискурса: он не ускользает и не исчезает, но в качестве сумасшедшего остаётся себетождественным. Конечно, самоидентичность вторичного субъекта небыстречна, нередко она оказывается недостаточно устойчивой, а нередко, наоборот, чрезмерно жёсткой. Но в любом случае для человекосоразмеренной реальности это лучше, чем субъект-призрак, представляющий собой сплошную дыру. Наконец, при определённых условиях и при помощи определённых психотерапевтических техник сумасшедший может быть «вылечен», то есть приведён к полной себетождественности субъекта-индивида дискурса социокультурной реальности [4].

Однако подобный «терапевтический» результат оказывается возможным далеко не всегда. Конституирование вторичного субъекта-сумшедшего — часто единственное, что в состоянии сделать психиатрический дискурс в ситуации надрыва дискурса человекосоразмеренной реальности. Чтобы раскрыть механизм и специфику этой вторичной субъективации, обратимся к конкретным примерам.

В том случае, когда человеческое бытие после прорыва бытийного потока ещё сохраняет формальное присутствие в дискурсивном пространстве в качестве ускользающего субъекта (то есть экзистует по способу Игры), задача психиатрического дискурса состоит в том, чтобы воспрепятствовать тотальному нивелированию субъектности, то есть возникновению призрака. Игра должна быть остановлена раньше, чем человеческое бытие «доиграется» до фатальной развязки — или «родит танцующую звезду». Такая остановка достигается за счёт гипертрофирования того, что относится к объективному миру человеческой реальности или, точнее, одной из сфер этой реальности. Политическая, экономическая, профессиональная, семейная или какая-либо другая из сфер экзистирования субъекта-индивида приобретает чрезмерную значимость, поглощает человеческое бытие без остатка и начинает носить угрожающий характер. В этом случае мы имеем дело с *паранойей*. Гипертрофия одной из сфер человеческой реальности приводит к соответствующей гипертрофии субъектности: параноидальный бред преследования, как правило, сочетается с бредом величия, «переоценкой собственной личности». Таким способом ускользающий субъект переводится в гипертрофированного субъекта-индивида — параноика. Тем самым достигается определённая приостановка Игры: дискурс более не просвечивается бытийным потоком, его структуры, пусть и в искажённой, гипертрофированной форме, снова обретают значимость, обретают смысл. Отсюда следует, что больше нет опасности полного выпадения из дискурсивного пространства в сферу призраков. Не всегда при этом должен иметь место «клинический случай». Речь может идти просто о чрезмерной привязанности к определённому объекту или субъекту и вытекающем отсюда страхе перед возможной утратой. Такой объект-субъект закрывает собой дискурсивную трещину и его потеря для параноидального субъекта равнозначна гибели.

В другом случае дискурсивный надрыв оказывается более значительным, а захваченность человеческого бытия прорвавшимся потоком — более существенной. Здесь уже нет возможности перевести ускользающего субъекта Игры в некое устойчивое состояние гипертрофированного субъекта. Вместо этого психиатрический дискурс конституирует колеблющегося субъекта *маниакально-депрессивного психоза*. Такой субъект возвращается к неформальному присутствию в дискурсивном пространстве человеческой реальности, но его экзистирование протекает в режиме повышенной либо пониженной интенсивности. Игра сублимируется таким образом, что бытийный поток не просвечивает дискурсивное пространство, но бросает на него тень, вслед-

ствие чего структуры объективного мира человекосоразмерной реальности оказываются под угрозой нивелирования. Субъект бежит от этой угрозы посредством гипертрофирования сразу всех сфер экзистирования в этом мире, что приводит к поверхностному пробеганию различных позиций (маниакальная фаза: гиперактивность, «скачка идей»). Затем происходит истощение быстро сменяющих друг друга поверхностных смыслов и падение в опустошённый и неподвижный мир, который подавляет субъекта незыблемостью своих структур (депрессивная фаза, меланхолия). Используя синергетическую терминологию, можно сказать, что при паранойе имеет место точечный аттрактор, в то время как маниакально-депрессивный психоз характеризуется циклическим аттрактором.

При *шизофрении* устанавливается хаотический или странный аттрактор. Шизофренический субъект конституируется исключительно на основе субъекта-призрака, возвращающегося к дискурсу человеческой реальности из области тотального ускользания и незначимости. Все шизофреники – бывшие призраки. Психиатрический дискурс раскрывает в этом случае разорванного и децентрированного субъекта, целостность и самоидентичность которого относительна и неустойчива: «В особенности часто приобретают такую окраску словесные и письменные продукции больных (отсутствие последовательности и связи, искажения слов, новообразования слов). В этом мы видим ослабление внутренней связи душевных процессов («интрапсихическая атакия»), чему соответствует название Schizophrenia. Это нарушение связи часто доходит до сознания самого больного как чувство внутренней несвободы, зависимости от чужих влияний, и тогда по большей части истолковывается больным как преследования посредством телепатических или гипнотических влияний» [5, с. 312–313]. Шизофренического вторичного субъекта можно сравнить с разорванным на мелкие кусочки и затем склеенным изображением: с одной стороны, целостность изображения восстановлена, но с другой стороны, оно приобретает мозаичную структуру и в дополнение ко всему отдельные части могут быть вклеены не в то место. Нередко шизофренический субъект может быть интегрирован в социокультурную реальность только в качестве пациента психиатрической клиники. Но и такой субъект для дискурса человекосоразмерной реальности лучше, чем призрак: склеенная чашка лучше, чем груда осколков. Данную трактовку шизофрении следует отличать от предложенного Делёзом и Гваттари истолкования шизофрении как процесса раскодирования потоков, смещения кодов и «детерриторизации социуса». В данном случае речь идёт о деструкции дискурсов, а не о конституировании вторичного субъекта в рамках психиатрического дискурса. На это различие указывают и сами авторы, предлагая разграничивать шизофрению как процесс и шизофреника как клиническую сущность [6].

Данными примерами не исчерпывается всё многообразие способов конституирования вторичных субъектов в психиатрическом дискурсе. Но для

вскрытия механизма такого конституирования этого достаточно. Во всех случаях вторичный субъект устанавливается как некий аттрактор, конечное состояние, наподобие воронки втягивающее исчезающего субъекта Игры или субъекта-призрака и таким образом подчиняющее его власти дискурса социокультурной реальности. Но власть психиатрического дискурса не ограничивается только производством вторичных субъектов-сумасшедших. Ему принадлежит более значительная роль в социокультурном дискурсе.

3. Между нормой и маргинальностью

Только в крайнем случае – в ситуации дискурсивного надрыва и захваченности человеческого бытия прорвавшимся бытийным потоком – психиатрический дискурс осуществляет вторичную субъективацию и конституирует субъекта-сумасшедшего. Более значимой для дискурса человекосоразмеренной реальности является другая сторона психиатрического дискурса – раскрытие гиперсимулятивного пространства *нормы*. Речь здесь идёт о чистой гипресимуляции, поскольку в действительности норма не имеет референции в сфере человеческого бытия, будь то мир или пространство дискурса. Норма – всегда трансцендентна как миру, так и дискурсу. Трансцендентная область нормы, наподобие платоновского мира идей, содержит модели, образцы личной идентичности субъекта-индивида. Другими словами, в пространстве нормы человеческое бытие никогда не присутствует непосредственно, эта область населена *манекенами*, с которыми человеческое бытие должно соотноситься как с моделью. Никто никогда не сможет стать манекеном – этот идеал для человеческого бытия недостижим – но каждый должен стремиться быть копией, отражением манекена – во всех сферах экзистирования, во всех проявлениях своего существования, в каждом жесте и каждом взгляде. *Нормальный* социокультурный субъект-индивид всегда есть более-менее, с теми или иными погрешностями («у каждого свои недостатки») удачная копия манекена. В предельном плане манекен воплощает абсолютную себетождественность, незыблемую самоидентичность. По отношению к определённым сферам экзистирования человеческого бытия он определяет социальные и культурные *роли*. Психиатрический дискурс выставляет этот универсальный идеал, питаемый страхом перед призраками и сумасшедшими, и тем самым заставляет человеческое бытие как можно прочнее укорениться в личной идентичности, заставляет его никогда «не выходить из роли».

Так осуществляется конституирование субъекта-индивида. Соответствующая сцена, пространство социокультурной реальности, раскрывается уже в рамках социокультурного дискурса, который надстраивается над психиатрическим дискурсом. Всё это пространство человекосоразмеренной реальности представляет собой, таким образом, только вторичный гиперсимулятивный дискурс, сферу Того же Самого. И возведено это пространство на прочном фундаменте психиатрического дискурса, осуществляющего жёсткий кон-

троль и репрессии по отношению к любой попытке сойти со сцены раньше времени, выйти в пространство Игры.

Психиатрическая наука дает богатый материал для маргинальной антропологии, на что указывает классик психиатрии: «Душевная болезнь изменяет душевную личность – ту сумму качеств, которая для нас в гораздо большей мере, чем физические особенности, представляет истинную сущность человека. Все отношения больного к внешнему миру вследствие этого коренным образом изменяются. Знакомство со всеми этими расстройствами оказывается поэтому богатым источником для исследования душевной жизни вообще. Оно открывает нам не только много её общих законов, но и даёт возможность глубоко заглянуть в историю развития человеческого духа, как в отдельном индивидууме, так и во всём человечестве; оно даёт нам, наконец, правильный критерий для понимания некоторых течений в сфере психологии и морали, в сфере религии и искусства, для понимания явлений нашей общественной жизни» [5, с. 9–10].

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М.: AdMarginem, 2000. – 319 с.
2. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – Калининград: Янтарный сказ, 2002. – 456 с.
3. Кафка, Ф. Описание одной борьбы / Ф. Кафка // Рассказы. Пропавший без вести. – М.: Фолио, 2000. – 544 с.
4. Фуко, М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с.
5. Крепелин, Э. Введение в психиатрическую клинику / Э. Крепелин. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. – 493 с.
6. Делёз, Ж. Анти-Эдип / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

PSYCHIATRIC DISCOURSE AND THE BOUNDARIES OF SOCIAL-HUMANIT KNOWLEDGE

V.T. Faritov^{*}

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

E-mail: vfar@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the philosophical analysis of the psychiatric scientific discourse as the basis of marginal anthropology. The main objective of the proposed article is to reveal the place and role of psychiatric discourse in such an existential space as sociocultural reality.*

Keywords: *scientific discourse, psychiatric discourse, marginality, boundaries, anthropology.*

^{*}FARITOV Vyacheslav Tavisovic – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Ulyanovsk State Technical University.